
МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

WORLD AND NATIONAL CULTURE

УДК 543.257.2

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ ТЕОРИИ «БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕТРАДЫ» С. Т. КОЛРИДЖА

Н. М. ШАХНАЗАРЯН¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается связь «тетрадной» модели бытия и сознания английского поэта эпохи романтизма С. Т. Колриджа (1772–1834) с античной философией на основе анализа его итогового произведения «Застольные беседы» (1834). Противоположность механистического (мезотезис) и органицистского (синтез) способов познания диалектики идеального и материального Колридж возводит к основополагающему в истории европейской философии различию конститутивного и регулятивного статуса идеи, обоснованного Платоном и Аристотелем.

Ключевые слова: Платон; Колридж; триада; тетрада; синтез – мезотезис; символ – аллегория; органицизм – механицизм; немецкий идеализм; романтизм.

ANCIENT ORIGINS OF S. T. COLERIDGE'S «DIVINE TETRAD»

N. M. SHAKHNAZARYAN^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article considers connection between Coleridge's tetrad model of being and consciousness and ancient philosophy, based on his final book «Table talk» (1834). Coleridge took the opposite of mechanistic (mesothesis) and

---

Образец цитирования:

Шахназарян НМ. Античные истоки теории «божественной тетрады» С. Т. Колриджа. *Человек в социокультурном измерении*. 2020;2:28–33.

For citation:

Shakhnazaryan NM. Ancient origins of S. T. Coleridge's «divine tetrad». *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2020;2: 28–33. Russian.

Автор:

Наринэ Мартиросовна Шахназарян – кандидат филологических наук; доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Narine M. Shakhnazaryan, PhD (philology); associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology. bastet575592@gmail.com

organic (synthesis) methods of ideal and material dialectic's cognition to the basic for European philosophy difference between constitutive and regulatory status of an idea, justified by Plato and Aristotle.

Keywords: Plato; S. T. Coleridge; triad; tetrad; synthesis – mesothesis; symbol – allegory; organicism – mechanism; German idealism; Romanticism.

Введение

По мнению автора фундаментальной работы по эстетике романтизма «Литературная биография» (1817) С. Т. Колриджа (*S. T. Coleridge*) (1772–1834), в истории английской поэзии эпохи романтизма греко-ренессансная традиция выражена в большей степени, чем римско-классицистическая. Это утверждение требует более детального изучения на материале творчества С. Т. Колриджа и Р. Саути, М. Робинсон и М. Тай, П. Б. Шелли и Д. Китса для уточнения вопроса о том, как соотносятся традиции и новаторство в поэтике романтизма. Теория органического единства Колриджа, нашедшая философское обоснование и поэтическое воплощение во многих произведениях поэта, кратко выражена в формуле «божественной тетрады», определение которой он дал в своей последней книге «Застольные беседы» («*Table talk*», 1834). Несмотря на активное изучение творческого наследия Колриджа как в англоязычном (Т. Фулфорд, Г. Дэвидсон), так и русскоязычном современном литературоведении (Е. В. Халтрин-Халтурина, А. Е. Михайлова), актуальный смысл и прикладное значение формул и сентенций «Застольных бесед» до сих пор не изучены в целостности. Рассмотрение в системном ключе способа интерпретации основополагающих понятий философии, религии, филологии, искусства, политики с точки зрения авторской формулы «тетрады» позволяет уточнить универсальные закономерности динамической гносеологии и логософии, необходимые для осмысления реалий нашего времени. Опережающее значение идей Колриджа подчеркивали на протяжении последних двух столетий выдающиеся представители литературы (Л. Н. Толстой, Т. Вулф), философии (Б. Бозанкет, А. Уайтхед), религии (кардинал Ньюмен), эстетики (Х.-Г. Гадамер) и др.

Результаты и их обсуждение

Интенсивные многолетние поиски философского обоснования истины приводят Колриджа к мысли о вечном существовании двух противоположных тенденций в истории философской мысли, заданных, с одной стороны, Аристотелем, а с другой – Платоном. В приложении к «Советам государственному деятелю...» («*The statesman's manual...*», 1816) Колридж определил различие между Платоном и Аристотелем в отношении сущности и роли идей: «...идеи только регулятивны, согласно Аристотелю и Канту, или конститутивны и едины с силой и жизнью природы, согласно Платону и Плотину... Это вершинная проблема философии...»¹ [1, p. 118].

В итоге Колридж приходит к выводу, значительность которого высвечивается только в контексте развития философии второй половины XIX в.: «...Аристотель... отец науки... основоположник или редактор логики! Но он соединил науку с философией, что явилось ошибкой. Философия занимает срединное положение между наукой, или знанием (*science, or knowledge*), и мудростью (*sophia, or wisdom*)» [1, p. 119].

Размышляя над соотношением и взаимосвязью философии, поэзии и религии, Колридж кратко формулирует роль античных философов в создании единой модели бытия и сознания. В записи от 24 сентября 1830 г. находим: «Сократ ввел этику и научил обязанностям (*duties*); ...Платон утвердил или вновь отстоял идею Бога как творца мира. <...> Христианство привнесло дополнение к желаемому – уверенность. После этого неоплатоники ввели теургию (*theurgy*) в философию...» [1, p. 129]. «Универсальный закон противоположностей, или сущностный дуализм» Колридж считает открытием Гераклита, спустя 2000 лет возрожденного Джордано Бруно, который разработал данный закон в логике, физике и метафизике.

Колридж принял идею вечно становящегося бытия, восходящую к Платону. В диалоге «Протагор» Сократ связывает благо с необходимостью постоянного постижения и проявления его природы («“быть” и “стать” – не одно и то же...») [2, с. 452, 457]. Способность к самопознанию он называет единственным посредником между богом и божественной природой человека. В искусстве роль такого посредника играет поэт, слагающий «свои прекрасные поэмы не благодаря мастерству, а лишь в состоянии вдохновения и одержимости» [2, с. 376] («Ион»).

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.

В триаде Платона вершинное положение занимает Муза как источник вдохновения; первое звено – поэт, «толкователь воли богов»; среднее звено – актер, исполнитель, рассказчик, комментатор, «толкователь толкователей»: «Среднее звено – это ты, рапсод и актер, первое – сам поэт, а бог через вас всех влечет душу человека, куда захочет, сообщая одному силу через другого» [2, с. 378]. В диалоге «Хармид» Платон признает существование законов гармонии не благодаря рассудительности, а благодаря искусству музыки. Гармония, означающая порядок, обеспечивающий единство мира, названного Пифагором космосом [2, с. 552], открывается не рассудку в процессе рационально-умозрительных усилий, а воображению вдохновенно творящего поэта-музыканта. Известен факт сожаления Сократа о неумении сочинять музыку – наивысшее из всех искусств – на пороге земного бытия. Само слово «воображение» Платон употребляет в значении ‘фантазия, вымысел’, с которым также связывает и понятие мифа («прихоть нашего воображения» [2, с. 617] («Кратил»)). «Я уже не миф тебе расскажу, а приведу разумное основание», – пишет он в диалоге «Протагор» [2, с. 434]). Миф имеет «символический смысл» и выражает философскую идею: «Предмет, данный как эйдос, живет в человеческом сознании своей наиболее существенной стороной» [3, с. 235].

Таким образом, в диалогах Платона вырисовывается триадный принцип мышления, соответствующий основаниям философской системы абсолютного идеализма, согласно которой единым основанием бытия названа идеальная первосущность («Душа Космоса и Душа всего, что в него входит»), отчасти проявляющая себя в явлениях действительности. Полагая идеальный мир сущностей постоянным и неизменным [2, с. 617] («Кратил»), обуславливающим природу и характер существования мира вещей – неустойчивого и подвижного, Платон выявляет диалектическую, органическую связь между ними и тем самым наделяет их общими чертами, обнаруживающими себя как объективно изнутри на онтологическом уровне самосуществования (бог – божественная часть души человека), так и субъективно извне на гносеологическом уровне смысловоплощения (истина – познание истины). В диалоге «Лахет» Платон объединяет знание о предмете, его происхождении, становлении, этическом и футурологическом характере самопроявления вещи: «...если существует знание о чем-то, то оно не отлично от знания происхождения данной вещи... или от знания ее становления (то есть ее самопроявления), а также от знания того, как наилучшим образом могло бы осуществиться и осуществится в будущем нечто еще не происшедшее, но все это – одно и то же знание» [2, с. 291]. Платон сохраняет равновесие между противоположностями, оставаясь верным принципу органической слитности идей с самой жизнью, что обуславливает их конституирующий, а не регулятивный, как у Аристотеля, характер. Впоследствии это равновесие нарушается, ученики Академии Платона становятся авторами новых теорий (перипатетизм Аристотеля, эпикуреизм Аристиппа, стоицизм киника Антисфена и т. д.). Новый этап платонизма связан с неоплатониками, объединившими идеи Платона с учением о мировом уме Аристотеля. Платон обращает внимание на отличие веры в справедливое или несправедливое от знания того, что есть правда и ложь, и внедряет, соответственно, два вида суждений: объединяющих веру и знание или содержащих только знание [2, с. 487] («Горгий»).

В «Застольных беседах» (запись от 12 сентября 1831 г.) Колридж так определяет задачу своей философской системы (*system of philosophy*): «Моя система... является только попыткой... растворить все знание в гармонии. Я желаю, коротко говоря, связать моральной связкой (*moral copula*) естественную историю (*natural history*) с политической историей (*political history*)...» [1, р. 157]. В основе философской системы Колриджа находится тетрарная модель мира. «Восхитительный тетраэдр, или тетрада, есть формула Бога, которая... является в реальности в виде Троицы» [1, р. 177]. В записи от 13 апреля 1830 г. Колридж признает: «Я более ясно вижу, что доктрина единой Троицы (*Trinal Unity*) является абсолютной истиной, превосходящей пределы моих человеческих возможностей понять и представить ее» [1, р. 77]. Классическую триаду *тезис – антитезис – синтез* Колридж считает редуцированной проекцией тетрады на плоскость действительности. Вводя понятие изначальной божественной целостности – протезиса, он тем самым усложняет понятие синтеза в привычной схеме триады, предлагая противопоставление механического соподчинения тезиса и антитезиса – мезотезиса – и их органического единства – синтеза, достигаемого в действительности в качестве реализации изначального единства, исходящего свыше.

Идея тетрады пронизывает все сферы и явления бытия: язык, цвет, природу человека, искусство, религию и т. д. Так, протезисом в языках мира может быть «великий языковой оригинал» (запись от 2 июня 1824 г.) [1, р. 57]. В русле семантического синтаксиса Колридж предлагает схему номинативно-предикативного смыслового ядра предложения: протезис – существительное-глагол («Я есть»), тезис – существительное, антитезис – глагол, мезотезис – инфинитив, синтез – причастие. Философски обосновывая предложенную схему, Колридж называет протезис исходной, первоначальной формой, подразумевающей тождество (*identity*) существования (*being*) и действия (*act*), мезотезис – неразличением (*indifference*) глагола и существительного, синтез – сообществом (*community*) глагола и существи-

тельного, одновременным существованием и действием (24 февраля 1827 г.) [1, р. 64]. Помимо номинативно-предикативной дефиниции существительного-глагола, Колридж придает данной паре частей речи пространственно-временное значение: «Грамматические формы существительных являются модификациями относительно места, глагола – относительно времени» [1, р. 63]. Тетрада Троицы выглядит так: «В Троице есть соответствие, отличие и общность. <...> Бог – абсолютная Воля или Тождество = Протезис. Отец = Тезис. Сын = Антитезис. Дух = Синтез» (8 июля 1827 г.) [1, р. 69].

Колридж создает оригинальный ряд антитетичных понятий, выраженных близкими по значению словами. Философской основой данного процесса является тетрарно-тринитарный способ мышления, а непосредственным логико-семантическим средством – десинонимизация слов, которую Колридж считал важнейшим средством семантического обогащения языка. К понятийным антитезам, составленным из бывших синонимов (десинонимизация отвечает задаче смысловоразличения мезотезиса и синтеза как механистического и органического способов мышления), относятся, например, воображение (первичное и вторичное) и фантазия.

Причиной такого предпочтения является стремление преодолеть противоречие между предметом и его словесным обозначением, между сущностью и явлением: «Мы никогда не понимаем вещь саму по себе, а только ее название. Рассудок оперирует исключительно словами, соотнося свои отдельные ощущения с их действительными названиями» [4, р. 219]. Таким образом, десинонимизация слов служит примирению сферы разума (целостности, конкретности, внутреннего, воображения, сущности) и сферы рассудка (разделения, абстракции, внешнего, рассудка, формы). Слово, по Колриджу, одновременно и сама сущность бытия, и средство его познания. Данное положение можно сравнить с концепцией Бога Фомы Аквинского (Бог есть первосущность и источник действия, оформляющего сущность). С другой стороны, слово-сущность, изначальное тождество звучащего слова и силы его воздействия, воплощения, имеет традицию античного и библейского осмысления.

Тетрарным можно назвать и классификацию типов текстов по Колриджу: протезис – Слово-Бог («Слово, которое было вначале, которое было вместе с предметом, обозначенным им, и было самим обозначаемым предметом»); тезис – современный язык, используемый и создаваемый народом; антитезис – «повседневные действия, трактуемые как воплощение моделей, заложенных в языке»; мезотезис – схематичные «переводы с языка звуков и букв на язык событий и людей» [1, р. 89]; синтез – Священное Писание и его связь с жизнью.

Философию языка, в задачу которой входит выяснение онтологической и гносеологической сущности языка, значения слова в становлении картины мира, Колридж называет логософией. У истоков философии слова находится «Кратил» Платона. В его диалогах «впервые заговорили о происхождении “имен”, или самого языка, впервые стали заниматься синонимикой, семантикой и этимологией, т. е. пытались установить систему имен, их смысл, их образование, связали развитие истории человека с его потребностью в общении посредством слова» [2, с. 835].

Соотношение вещи и имени связано с выяснением отношения между вещью и ее сущностью. Имя может быть истолковано как произвольное обозначение предмета или как произрастающее из его сущности понятие, восприниматься как часть от целого (отношение между которыми могут выстраиваться по принципу «лица» или «золота» и создавать превратную картину в случае, когда часть качественно не соответствует целому) и как само целое (слово = сущность явления). В «Кратиле» отмечается: «Ясно, что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность безотносительно к нам и независимо от нас, и не по прихоти нашего воображения их влечет то туда, то сюда, но они возникают сами по себе, соответственно своей сущности» [2, с. 617]. Следовательно, имена, так же как и явления, неоднородны и действуют, функционируют соответственно своей внутренней природе: «И некоторые из них установлены, возможно, даже более высокой силой, нежели человеческая, – божественной» [2, с. 630]. Кроме того, неустойчивость вещей, проистекающая из их природы и связанная с процессом постоянного становления, влияет на эволюцию смысла имени («в них нет ничего устойчивого и надежного, но все течет и несется, все в порыве и вечном становлении» [2, с. 646]). В «Кратиле» Платон, предлагая поэтическую этимологию слов, основанную на ассоциативном звуко-семантическом принципе интерпретации их смысла в связи с сущностью вещей, высвечивает глубокие проблемы онтологического и гносеологического характера относительно природы языка как средства обнаружения и распознавания текучей, изменчивой действительности. Во-первых, он подчеркивает невозможность тождества вещи слову в действительности, хотя имя происходит из сущности вещей: «Или ты не чувствуешь, сколько недостает изображениям, чтобы стать тождественными тому, что они воплощают?» [2, с. 671]. Во-вторых, он указывает на возможность искажения единого смысла слова в случае допущения этого невозможного тождества, приводящего к неразличению вещи и его имени. Платон устами Сократа опровергает тезис Кратила «кто знает имена, тот знает и вещи», основываясь на принципах философии объективного идеализма, признающего присутствие неизменной идеи – первосущности. Слова, отра-

жая вещи, пребывающие в движении, сами вовлекаются в процесс изменчивости [2, с. 676]. В то же время, выражая сущность вещей, слова определенным образом приобщаются или восходят к неизменной идее вещи [2, с. 678]. Таким образом, слово одновременно конститутивно и регулятивно, тогда как идеи, по мнению Платона, конститутивны, а вещи регулятивны. Признавая неразрешимую сложность данного противоречия в познании вещей посредством слов, он предлагает обратить внимание на соотношение слов соответственно отношениям вещей и понятий («устанавливать родство между словами и изучать одно через другое, а также через самое себя» [2, с. 679]). В связи с этим принцип десинонимизации слов Колриджа можно назвать практической реализацией предложения Платона, обращенного в будущее (финал диалога Сократа с Кратилом).

Данный принцип отличает двухполюсные определения эстетических категорий в работах Колриджа. В «Застольных беседах» (21 мая 1830 г.) находим определение таланта и гения: «Талант, пребывающий в рассудке, здравом смысле (*understanding*), часто унаследован; гений, будучи действием разума и воображения (*action of reason and imagination*), редко или никогда» [1, р. 94]. В соответствии с этим «имитация есть мезотезис подобия (*likeness*) и различия (*difference*)» [1, р. 256], присущий таланту, но никак не синтез, подвластный гению. В одном ряду с данной антитезой находится различие слов (*words*) и наименований вещей (*names of things*): «Полезно отличать слова от простого произвольного названия вещей» [1, р. 94] (1 мая 1830 г.).

В определении категорий логики Колридж, следуя принципу тетрады, предлагает новый термин, играющий роль протезиса, дополнительно к компонентам логической триады. В записи от 23 сентября 1830 г. отмечено: «Есть два вида логики: силлогическая (*sylogistic*) и критериальная (*criteria*). Вся силлогическая логика включает в себя три составляющие: изоляцию (*seclusion*), включение (*inclusion*), заключение (*conclusion*), которые отвечают рассудку (*understanding*), опыту (*experience*) и разуму (*reason*). Первая указывает на то, что должно быть (*ought to be*), вторая – на то, что есть (*is*), и последняя утверждает, как это должно быть (*must be so*). Критериальная логика, или логика предпосылок (*premisses*), конечно, более важна, и она до сих пор не трактовалась. Объектом риторики является убеждение (*persuasion*), логики – согласование (*conviction*), грамматики – значение. Четвертый термин желателен – ритмика, или логика предположений» [1, р. 129]. Предложенный термин – результат агглютинации приставки и корня двух терминов триады (*rhematic = rhetoric + grammar*).

Размышляя об этической природе любви и дружбы, Колридж признает их противоположными явлениями, поскольку первое основывается на антипатии, позволяющей достигнуть целого при помощи противоречивого согласия, второе же образуется чувством симпатии (запись от 27 сентября 1830 г.): «Симпатия образует дружбу; но в любви присутствует разновидность антипатии, или противоположного волнения. Каждый стремится быть другим, и оба вместе становятся одним целым» [1, р. 131].

В данном определении обнаруживаются черты сходства со словами Платона в «Горгии», где приводятся мысли Эмпедокла о дружбе, объединяющей небо и землю, богов и людей [2, с. 552], как о важнейшем космогоническом принципе, противоположном вражде и раздору. Дружба отождествляется с любовью, а шаровидный космос в пифагорейском представлении назван «царством Любви». *Порядок – любовь – космос* составляют единый ряд.

Десинонимизации подвергнуты и религиозные понятия. Отличие *faith*-веры (религия, верность, доверие) от *belief*-веры (убеждение, верование, мнение) в том, что первая связана с причастием, вторая – с разумным анализом: «...когда я встаю с колен, я рассуждаю о доктрине Троицы, как словно бы о геометрической проблеме» [1, р. 192].

Примеры тетрарных понятий обнаруживаются не только в сфере логики, этики, религии, политики, но и эстетики, теории искусства, литературы. Так, противопоставление символа и аллегии – важнейшая антитеза в философии и поэзии эпохи романтизма. Кант впервые назвал прекрасное символом нравственного, связав, таким образом, эстетическую природу искусства с религиозно-нравственным назначением философии [5, с. 377]. Шеллинг в «Учении о самофракийских богах» характеризует понятие «абсолютное художественное изображение», еще не отделяя миф от символа, хотя указывает на связь мифа с аллегией: «Мифологическое сказание в отдельности должно понимать не схематически и не аллегорически, но символически» [6, с. 110]. По сути, символ оказывается универсальным посредником между философией и искусством, объединяя конкретный образ с обобщенным понятием. «Символ не соединяет автоматически мир идей с чувственным миром; он позволяет задуматься о несоответствии формы и сущности, выражения и содержания» [7, с. 122]. Однако, в отличие от Колриджа, у Шеллинга миф и символ идентичны и подчинены принципу «изображения под знаком полной неразличимости» общего и особенного. Более того, Шеллинг отмечает неизбежность синонимизации слов для превращения «конечных» явлений в символы бесконечности, тогда как Колридж рассматривает десинонимизацию как путь к объединению в символические значения слов «конечного» и «бесконечного».

Заключение

Таким образом, предлагая универсальную модель бытия и сознания, Колридж актуализирует антитезу механистического (мезотезис) и органического (синтез) способа мышления, соответственно искажающего (разделяющего) или открывающего (объединяющего) процесс постижения единого смысла противоположностей в целом. При этом достигнутый усилиями творческого акта воображения «синтез» является отражением изначального тождества явления и сущности («протезиса»). Так классическая триада онтологического характера (*тезис – антитезис – синтез*) уточнена благодаря акцентации гносеологического (способ познания бытия: механистический или органический) и аксиологического (этико-ценностный) аспектов. Возникшие в данном контексте оппозиции десинонимизированных понятий (воображение – фантазия, разум – рассудок, символ – аллегория и т. д.) отражают две отличные картины мира, приближающие или отдаляющие постижение истины в любых сферах жизни: философии, религии, искусства, политики. Особую роль в формировании романтической философской формулы «божественной тетрады» английского поэта сыграли идеи античных философов (прежде всего Платона), переосмысленные в русле трансцендентальной идеалистической гносеологии И. Канта и философии искусства Ф. Шеллинга.

Библиографические ссылки

1. Coleridge ST. *Table talk and omniiana*. Oxford: Oxford University Press; 1917. 500 p.
2. Платон. *Собрание сочинений. Том 1*. Москва: Мысль; 1990. 860 с.
3. Лосев АФ. Жизненный и творческий путь Платона. В: Платон. *Собрание сочинений. Том 1*. Москва: Мысль; 1990. с. 3–63.
4. Coleridge ST. *The literary remains. Volume 1*. London: William Pickering; 1836. 400 p.
5. Кант И. *Критика чистого разума. Сочинения. Том 5*. Москва: Наука; 1965. 564 с.
6. Шеллинг Ф. *Философия искусства*. Москва: Мысль; 1966. 496 с.
7. Гадамер ХГ. *Истина и метод*. Москва: Прогресс; 1988. 704 с.

References

1. Coleridge ST. *Table talk and omniiana*. Oxford: Oxford University Press; 1917. 500 p.
2. Platon. *Sobranie sochinenii. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1990. 860 p. Russian.
3. Losev AF. [Plato's life and creative path]. In: Platon. *Sobranie sochinenii. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1990. p. 3–63. Russian.
4. Coleridge ST. *The literary remains. Volume 1*. London: William Pickering; 1836. 400 p.
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma. Sochineniya. Tom 5* [Criticism of pure reason. Works. Volume 5]. Moscow: Nauka; 1965. 564 p. Russian.
6. Shelling F. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl'; 1966. 496 p. Russian.
7. Gadamer KhG. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow: Progress; 1988. 704 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.06.2020.
Received by editorial board 30.06.2020.